

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Проблема институционализации культурного наследия России в 1920х - 1930х годах: опыт для современной российской культурной практики.

Титиева Маргарита Юрьевна

Студент

Южный федеральный университет, Факультет философии и культурологии,

Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: myrksistka@gmail.com

В современной России остро стоит вопрос о создании благоприятной институциональной среды для развития культурных индустрий. В этом смысле оказывается актуальным обращение к проблеме институализации культурного наследия в 1920-1930е гг. в СССР, и в частности, к музейным практикам, поскольку именно здесь формируется исторический контекст существования современного, постсоветского, музея. Именно в этот период музей становится одним из инструментов претворения в жизнь специфической культурной политики, проводимой партией.

Музей, наравне с такими институтами как система образования, искусство и т.п., как нельзя лучше подходил для конструирования нового советского человека. Так, в 1919 г. в Петрограде прошла Всероссийская музейная конференция, на которой власть определила музей как важное звено в претворении культурной революции в жизнь [2, С. 56]. Встраивание существующих музеев в новую систему происходит посредством национализации музеев, частных коллекций, церковных земель и дворянских усадеб и разработки новой законодательной базы, необходимой для этих действий. За этот процесс отвечал Наркомпрос, который был частью партийного аппарата и имел своей целью, прежде всего, проведение идеологической, пропагандистской и агитационной работы.

На первом этапе развития основной задачей советского музея была организация хранения и упорядочивание полученного в ходе национализации материала. В этот период экспонирование отходило на задний план. Но уже в 1930е гг. функция музея меняется: он становится местом активной пропаганды [1, С. 219]. Появляется множество новых музеев: атеизма, посвященных советским политическим деятелям, историко-революционных и т.д. «По данным Д. Равикович, за 1918 – 1920 гг. в РСФСР было создано 246 музеев революции, причем большая их часть (186) в провинции. Создаются центры, координирующие музейную работу. При историческом музее (ГИМ) открывается Отдел теоретического музееведения, в 1919 г. появляется Московский институт историко – художественных изысканий и музееведения и т.д. Эти учреждения способствовали подготовке кадров, разработке вопросов теории и практики музейного дела» [2, С. 57]

Безусловно, советская музейная практика берет свое начало в опыте имперском. Однако необходимо было переосмысление, связанное с пониманием властью истории и с ее отношением к наследию, доставшемуся от царского режима. Если переосмысление истории было однозначным, в терминах классовой борьбы и смены формаций, то переосмысление культурного наследия в 1920е гг. идет двумя путями. Первый путь авангардный: осуществляется отказ от прежних культурных форм во всех их видах; здесь достаточно вспомнить футуристический лозунг «...Бросить Пушкина, Достоевского

и Толстого и проч. и проч. с парохода Современности». Этот разрыв с прошлым, по мнению авангардных теоретиков, необходим потому, что старые формы воспроизводят прежние социальные отношения, их структуру, вновь замыкают человека на том, с чем новая советская культура должна покончить. Второй путь связан с усвоением прежних культурных форм с использованием новой призмы; и здесь уместно обратиться к другому призыву – «учиться у классиков», который входит в советский политический дискурс несколько позже, с середины 1930х гг. [3] Так Зимний дворец становится Эрмитажем.

Выбор власти в пользу переосмысления культурного прошлого как *наследуемого* советским человеком, как мне кажется, был обусловлен тем, что прошлым проще управлять и контролировать его при помощи цензуры, чем творчество, производящее непредсказуемые социальные практики и настаивающие на излишней, с точки зрения советской власти, самостоятельности индивида. Кроме того, это было необходимо для стабилизации власти, для выстраивания начала ее истории посредством деления событий на «до» и «после», а также для создания новой мифологии, способной объединить новое «воображаемое сообщество».

Однако, как отмечает И. Калинин, этот выбор оказался новым троянским конем для советской власти [3]. Культурная революция, изначально призванная сформировать не просто *удобного* для власти человека, но *нового*, синхронизировать его с тем содержанием, которое принесла революция 1917 г., увязла к середине 1930х гг. в старых культурных формах, воспроизводя прежнюю социальную формулу господства – подчинения. В этих условиях основными характеристиками советских музейных практик становятся идеологизированность, статичность, повторяемость, зависимость от советского метанарратива.

Рассмотрение вопроса осмысления институализации культурного наследия в СССР тем актуальнее, чем больше мы сегодня осознаем, что современное российское пространство культуры не просто многое унаследовало от советской эпохи, но и во многом в нем застыло. Современный российский музей – прямой наследник сложившихся в 1920е – 19230е гг. советских музейных практик. И сегодня, лишившись своей идеологической «начинки», он находится в процессе самоопределения, что ставит перед нами ряд вопросов, среди которых, например: каким должен быть современный российский музей? какое место он занимает в создании новых культурных индустрий? что значит музей для города и как на него влияет? и т.п.

Литература

1. Мазаев П. Трансформация функций историко – культурного и художественного музея в постсоветской России // СССР. Жизнь после смерти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Поправко Е. Музееведение. ВГУЭС, 2005.
3. Калинин И. Учиться у классиков или сбросить их с корабля современности? Культурная революция 1920-х и проблема наследия // Выступление в рамках конференции НИУ ВШЭ «Культурная политика в СССР»: <http://rabkor.ru/video/2012/12/24/kulturnaya-revolyuciya-1920-x-i-problema-naslediya> [Электронный ресурс]. Дата доступа: 22.02.2014